

Достоевский и Новый Завет

Сокращенное изложение статьи из «Ежегодника Немецкого общества Достоевского»

Д-р Юрген Шписс, руководитель «Института веры и науки» в Марбурге, член Немецкого общества Достоевского

В одном из новых сборников статей о Достоевском специалист из Тюбингена начинает свою статью, посвященную религиозным представлениям Достоевского, следующими словами: «Вопрос о религии Достоевского, вопрос о его этически-религиозном мировоззрении является определяющим для понимания его произведений. Во всех его больших романах этот вопрос играет решающую роль, они все вращаются вокруг него и без понимания религиозно-философских взглядов Достоевского нельзя правильно и глубоко понять смысл и содержание его романов».

В моей статье речь идет о том, какую роль играл Новый Завет в жизни и произведениях Достоевского.

Достоевский сам писал: «Я происхожу из благочестивой русской семьи. С самого раннего детства я вспоминаю любовь моих родителей. В нашей семье мы знали Евангелия почти с колыбели».

Сознательное обращение к христианской вере произошло, однако, лишь во время пребывания на каторге в Сибири недалеко от Омска (1850-1854). В пути на каторгу ему был подарен Новый Завет; это была единственная книга, которую разрешалось иметь в тюрьме.

В своих мемуарах жена Достоевского пишет:

«В течении всех четырех лет своего заключения Федор Михайлович не позволил себе ни на минуту расстаться со святой книгой. Когда он 20 лет спустя вспоминал о своих страданиях, он часто говорил о том, что только Евангелия помогли ему вообще сохранить надежду. Только эта книга поддерживала его. Всякий раз когда он к ней обращался, он чувствовал себя наполненным новой энергией и силой. «Четыре года в тюрьме она всегда лежала у меня под подушкой», рассказывает сам писатель. «Время от времени я читал ее сам или вслух читал другим.».

Позднее его жена Анна Григорьевна рассказывала, что экземпляр Нового Завета всегда можно было найти на письменном столе Достоевского.

Этот экземпляр, находившийся в музее Ленина в Москве, в 1983 году был изучен Г. Кьетсаа, норвежским специалистом по жизни и творчеству Достоевского, написавшим также биографию писателя, пользующуюся успехом у читателей.

В принадлежавшем Достоевскому экземпляре Нового Завета было обнаружено около 200 пометок и примечаний; они охватывают 21 из 27 книг Нового Завета. В Евангелии от Марка сделаны две пометки, в Евангелии от Луки-семь, а вот в первом письме Иоанна их уже шесть, в откровении Иоанна –16, а вот текст Евангелия от Иоанна помечен 58 раз. Причина этого несомненно заключается в том, что Евангелие от Иоанна является Евангелием восточной церкви. По мнению Кьетсаа предпочтение Евангелия от Иоанна объясняется тем, что именно в этом Евангелии подчеркивается, что Иисус был тем, в ком Бог открыл себя людям. В черновиках к «Бесам» Достоевский писал: «Ни морально-человеческий пример Христа, ни его учение не спасут мир; его спасет исключительно вера в то, что слово стало плотью».

С особой любовью относился Достоевский к разделам, касавшимся божьего суда и наказам людям в Библии. Здесь можно выделить три важнейших для Достоевского темы:

1. Как приходят от сомнений к вере?

2. «Воскрешение» и
3. Личность Христа.

По пункту 1. Достоевский подчеркивает историю первого сомневающегося - Нафанаила, который на вопрос о том является ли Иисус обещанным пророком, отвечает: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (От Иоанна 1,46). Сюда же относится и история Фомы, последнего из сомневающихся, упомянутых в том же Евангелии: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (От Иоанна 20,25). Подчеркнуты также и строки, касающиеся родственников Иисуса, которые его не поняли (От Иоанна 7,5) и даже сочли его за сумасшедшего (От Марка 3,21). Достоевский подчеркивает и места уверования и признаний Нафанаила: «Ты- Сын Божий, Ты Царь Израилев» и Фомы: «Господь мой и Бог мой!» (От Иоанна 1,49 и 20,28).

Примерами по второму пункту являются история пробуждения усопшего Лазаря (От Иоанна 11) и слова из Евангелия От Иоанна 6,40: «Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий видящий сына и верующий в него, имел жизнь вечную; и я воскрешу его в последний день».

По пункту 3, касающегося личности Христа: «...видевший Меня видел Отца;» (От Иоанна, 14,9), «Я и Отец – одно.» (От Иоанна, 10,30), «Я есмь путь и истина и жизнь» (От Иоанна 14,6)

Перейдем теперь от пометок Достоевского в Библии к его произведениям. Здесь Библия нередко цитируется. В качестве примеров можно назвать один из двух эпитафий к «Бесам»¹ и эпитафия к «Братьям Карамазовым»². Смысл обоих этих текстов отчетливо прослеживается в книгах. Эпитафия к «Братьям Карамазовым» высечен и на могильном камне Достоевского.

Достоевский цитирует в своих произведениях и более длинные отрывки, например, историю воскрешения Лазаря (От Иоанна, 11,11-46) в «Преступлении и наказании», эпизод об искушении Христа (От Матфея, 4,1-11), рассказанный Достоевским в истории о великом инквизиторе от лица искусителя и история превращения воды в вино во время бракосочетания в Кане (От Иоанна, 2,1-11), приведенные в «Братьях Карамазовых».

Остановимся ненадолго на этих примерах. Великий инквизитор говорит Христу: Тебе были заданы три важнейших для человечества вопроса. На все три ты ответил неверно. Во-первых: хлеб или свобода? Ты даешь людям свободу, а они хотят хлеба и того, кому они отдадут свою свободу, кому они могут подчиниться. И это мы им дадим. Во-вторых: чудо, авторитет и таинство или Бог? Ты говоришь: Бог важнее чуда, авторитета и таинства; ты и здесь требуешь от людей слишком многого. Ты только для избранных, для сильных, а мы принимаем и слабых. И в третьих: тебе было предложено объединить все царства земные, но ты и это отклонил. А ведь это великая мечта человечества, на это направлены усилия людей.

Великий инквизитор описывает кроме того механизмы, которыми руководствовались диктаторы прошлого столетия: тот, кто хочет повелевать людьми, должен повелевать

¹ «Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся. (От Луки, 8,32-36).

² «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (От Иоанна, 12,24).

их совестью. Овладеть совестью означало снять с нее запреты. Освобождение совести в этом столетии гласило: фюрер всегда прав или партия всегда права.

Иисус дарит Великому Инквизитору поцелуй – молча. Этот жест не означает согласия, это предложение обратиться к нему, к жизни, предложение выслушать его. Великий Инквизитор на мгновение тронут этим – у него дрогнул уголок рта – но он остается верен своей прежней идее. Он не способен ни на обращение ни, тем более, на раскаяние.

История обращения Алеши в «Братьях Карамазовых» происходит в связи с чтением главы Евангелия о превращении Иисусом воды в вино (От Иоанна 2). Изнуренный и бесконечно утомленный после напряженного и ошеломляющего для него дня Алеша слышит сквозь сон эту историю о «первом чуде, которое совершил Иисус». В полусне видит он собравшихся на бракосочетание; все большее и большее количество людей принимает участие в празднике. Уважаемый и любимый им старец тоже присутствует на свадьбе и зовет его, Алешу, тоже прийти. «Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог...воду в вино превращает, чтобы не пресеклась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков...»

«Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения... И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час»».

Людольф Мюллер интерпретирует эту сцену так: ""Кто-то"...глубоко затронул душу Алеши. Не случайно Достоевский использует в данном случае личное местоимение, хотя он как правило склонен писать о Боге, не прибегая к личностным оборотам. Ощущение прикосновения к другим мирам так сильно у Алеши, так конкретно, что божественная сущность воспринимается и переживается как "кто-то". Согласно Людольфу Мюллеру в истории обращения Алеши Достоевский показывает, что "отношения между Богом и миром могут быть настоящими *взаимо*отношениями, то есть отношениями не только восходящими от медитирующих людей к Богу, но и нисходящими от Бога к людям".

Рассмотрим теперь более подробно другой пример, историю воскрешения Лазаря. К этой истории из Евангелия от Иоанна Достоевский в романе "Преступление и наказание" обращается трижды. Прежде всего в первом разговоре следователя Порфирия с Раскольниковым. Раскольников говорит о новом Иерусалиме как о цели всей истории человечества. Совершенно пораженный Порфирий спрашивает его:

"Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?"

- Верую, - твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжении всей длинной тирады своей он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

- И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

- Верую, - повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

- И-и в воскресение Лазаря веруете?

- Ве-верую. Зачем вам все это?

- Буквально веруете?

- Буквально.

Три вопроса следователя становятся все более конкретными. Веру в новый Иерусалим, то есть веру в рай на Земле, разделяли в 19-м и даже в 20-м веке многие люди. Неопределенная вера в Бога, иными словами вера в какие-то высшие силы, свойственна не только 19-му, но и 20-му веку. Но вера в воскрешение Лазаря означает уже веру в конкретное историческое событие, являющееся свидетельством силы Христа.

После этого разговора Раскольников посещает Соню и видит у нее на комодe книгу Нового Завета, который был переведен на русский язык в 1821 году, в том самом году, когда родился Достоевский. "Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете", как между прочим, и экземпляр, принадлежавший Достоевскому. Раскольников обращается к Соне с просьбой прочитать ему историю воскрешения Лазаря; видимо ему необходимо это для того, чтобы вспомнить во что же это он "буквально" верит. После чтения на пять минут устанавливается тишина. Тот, кто уже хоть раз пытался находясь в помещении с несколькими людьми сохранить молчание в течение хотя бы одной минуты, знает как удручающе долго может длиться эта минута. Раскольников потрясен. Прочитанная история так близка к его ситуации. Он мертв и близок к разложению. Жизнь - это то, чего он хочет, воскрешение - это то, в чем он нуждается. Именно поэтому он так поражен фразой Иисуса: "Я есмь воскресение и жизнь" (От Иоанна, 11,25).

В эпилоге история с Лазарем всплывает в третий раз. Чем можно объяснить такое подчеркнутое внимание Достоевского к этой истории? Людольф Мюллер предполагает, что это связано с влиянием на Достоевского книги Давида Фридриха Штрауса "Жизнь Христа - в критической обработке", в которой история воскрешения Лазаря причисляется к одному из самых невероятных чудес, описанных в Новом Завете. Еще студентом Достоевский читал эту книгу, оказавшую значительное влияние на его современников. Повидимому поэтому он снова и снова возвращается к этой истории.

Помимо приведенных примеров можно было бы указать еще на большое количество библейских цитат в произведениях Достоевского.

И еще один вопрос должен быть здесь затронут: как использовал Достоевский библейские идеи? Один пример может иллюстрировать путь от сомнений к вере. Достоевский в очень выраженной форме сам испытал сомнения в существовании Бога; интеллектуально в кружке Петрашевского, в обыденной жизни в связи с инсценированной царем казнью на Семеновской площади в Петербурге, годами, проведенными на каторге, а также в связи с потерей рано умерших двоих детей.

На пути от сомнений к вере проблема для Достоевского заключается не в сомнениях, а в безразличии людей, в том, что у них вообще отсутствует мировоззрение. В "Злых духах" он цитирует из Откровения: "Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!" (Откровение 3,15). Нафанаил и Фома не были безразличны, они хотели знать правду. Иисус упрекает их не за их сомнения. Нафанаилу он даже говорит: "Вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства". Они действительно хотят знать правду и позволяют себя убедить. Познав же ее, обращаются к Христу.

Личность Христа и его воскрешение являются для Достоевского центром Евангелия. Либо Христос воскрес, либо я покончу жизнь самоубийством. Герои Достоевского живут между этими двумя экстремумами, самые последовательные из них, не все, либо приходят к Христу, либо действительно кончают жизнь самоубийством. То, что это делают не все объяснил Камю, написав: "Легко быть логичным, но трудно быть логичным до конца".

Воскресение Христа это краеугольным камнем веры Достоевского. Христос является, таким образом, не только образцом этического поведения, но и победителем смерти. Евангелия понимаются Достоевским как книги о воскресении Христа. В воскрешении преодолевается весь трагизм и абсурдность жизни. Воскрешения это историческое событие. Его целительное действие простирается до нашего времени.

Что можно ответить в рамках такого видения мировой истории Ивану Карамазову, который в связи со смертью малых детей хочет вернуть свой входной билет в этот мир? Страдания в этом мире нельзя исключить, на его вопрос нет ответа.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский рассматривает по сути следующую проблему: мыслим ли любящий Бог в связи со страданиями в мире? Вопросы и обвинения формулируются Иваном. Но где же ответ Достоевского? Ответ дается не на уровне аргументов, а личностью старца Зосимы. Достоевский не дает, таким образом, теоретического, догматического ответа, а рисует вместо этого образ конкретной личности, примеру которой можно следовать. Евангелия ведь тоже в основном не содержат догматики; в их центре находится личность: Иисус из Назарета. Его жизнь, его смерть и его воскресение.

Незадолго перед своей смертью Достоевский обратился к двум текстам из Нового Завета. Одним из них был случайно отрывок из Евангелия от Матфея (3,14.15): «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Прослушав эти слова Достоевский задумался ненадолго, а потом сказал своей жене: «Ты слышала? Не удерживай меня. Мой час пришел»³

Позднее он позвал своих детей, прочитал им историю о потерянных сыновьях из Евангелия от Луки (глава15) и сказал «Дети мои, никогда не забывайте того, что вы сейчас слышали. Доверьтесь Богу и никогда не сомневайтесь в его милости. Я вас очень люблю, но моя любовь ничто по сравнению с бесконечной любовью бога к людям. Если даже вы совершите преступление, то и в этом случае не сомневайтесь в Боге. Вы его дети, склонитесь перед ним так, как преклонился потерянный сын перед своим отцом. Просите его о прощении и он будет этому так же рад, как радовался отец возвращению своего потерянного сына».

Здесь снова звучат центральные темы больших романов Достоевского: раскаяние, обращение к Богу и прощение. Без раскаяния, обращения и прощения человек не может быть исцелен от раздирающих его внутренних противоречий. Именно поэтому Достоевский вкладывает в уста старца Зосимы следующие слова: «Только бы покаяние не оскудело в тебе – и все бог простит». И прощение означает не только то, что его получают от Бога, но и то, что его дают другим. «На людей не огорчайся, за обиды не сердись...в сердце все прости...примиришь воистину».

В конце романа «Преступление и наказание» Раскольников меняет диалектику на жизнь. Этот поворот в восприятии мира происходит у Раскольникова после того, как он внутренне осознал, что Соня любит его.

В рукописи «Преступления и Наказания» есть сцена, в которой Иисус является Раскольникову. В варианте, который Достоевский отдал в печать, Раскольников думает о том, что свою новую жизнь он должен начать с чтения Нового Завета. Замену упомянутой сцены с Христом намерением прочитать Новый Завет можно с уверенностью объяснить тем, что Евангелия являются книгами, в которых мы встречаем Христа и в Христе можем обрести жизнь. В этом Достоевский был убежден.

³ Этот отрывок жена Достоевского подчеркнула в книге и приписала на полях: «Книга была открыта на этом тексте и по просьбе Федора Михайловича я читала ему из нее в день его смерти в 3 часа». (Г. Кьетсаа, стр. 21)